ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИК МИРА: МИРОВЫЕ ПОТОКИ КАПИТАЛА И ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

THE IMPACT OF COVID-19 ON THE STATE OF THE GLOBAL ECONOMIES: WORLD CAPITAL FLOWS AND FOREIGN DIRECT INVESTMENT

УДК 339.977

Аблаев Ремзи Рустемович, доцент кафедры «Экономика предприятия», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аблаев Алим Рустемович, доцент кафедры «Энергоустановок морских судов и сооружений», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Хромов Егор Владимирович, доцент кафедры «Энергоустановок морских судов и сооружений», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Макарова Виктория Сергеевна, магистрант кафедры «Экономика предприятия», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Ablaev R.R., Associate Professor, Department of Enterprise Economics, Sevastopol State University, Sevastopol, ablaev.expert@mail.ru.

Ablaev A.R., Associate Professor of the Department of Power Installations of Marine Structures and Structures, Sevastopol State University, Sevastopol, alim_ablaev@mail.ru.

Khromov Y.V., Associate Professor of the Department of Power Installations of Marine Vessels and Structures, Sevastopol State University, Sevastopol, EVHromov@sevsu.ru.

Makarova V.S., Master's student of the Department of Enterprise Economics, Sevastopol State University, Sevastopol, vikamakarova1802@mail.ru.

Аннотация

В статье актуализирован вопрос о всевозможном мониторинге формирования всемирной экономики в условиях пандемии. Проведен анализ влияния финансового регресса на всемирные потоки капитала и прямые иностранные инвестиции (на базе мониторингов ЮНКТАД) можно сделать вывод, что шоки, инициированные пандемией, распределяются очень неравномерно, как по государствам и регионам, так и по отраслям и секторам экономики. максимальный отрицательный эффект на потоки инвестиций оказывает ограничение потребления, при этом более чувствительными стали экономики и отрасли, находящиеся в сильной подчиненности от поставок в рамках массовых цепочек цены (МЦЦ). Возбужденный Covid–19 кризис активизирует наметившиеся прежде установки к ослаблению МЦЦ, сокращению количества их звеньев.

Annotation

The article has updated the issue of all kinds of monitoring of the formation of the world economy in the context of a pandemic. The analysis of the impact of financial regression on global capital flows and foreign direct investment can be concluded that the shocks initiated by the pandemic are distributed very unevenly, both across states and regions, and across industries and sectors of the economy. limiting consumption has the maximum negative effect on investment flows, while economies and industries that are heavily subordinate to supplies in mass price chains have become more sensitive. The Covid-19 crisis, which has been agitated, will activate the previously outlined guidelines for weakening massive price chains and reducing the number of their links.

Ключевые слова: мировая экономика, пандемия, социальные ограничения, последствия, коронавирус.

Keywords: world economy, pandemic, social constraints, consequences, coronavirus.

В настоящее время мировая экономика переживает самый большой спад со времен Великой Депрессии 1930-х годов. Общие потери мирового ВВП в результате так называемой" Великой самоизоляции " могут достичь, по оценкам МВФ, 9 трлн долл. В базовом сценарии, при котором пандемия ослабевает во второй половине 2021 года, а карантинные и замедляющие меры ослабляются на фоне поддерживающей экономической политики, мировая экономика в этом году сокращается на 3% [1]. С учетом ранее запланированного роста общее сокращение глобального творения в этом сценарии составляет более 6% пунктов. В 2022 году микроэкономический прогресс стремительно возобновится и достигнет 5,8%, достигнув, таким образом, докризисного уровня. Мировая торговля товарами и услугами аналогична (однако этот прогноз, как отмечается в документе, связан с крайней степенью неопределенности. финансовые последствия зависят от ряда факторов, которые трудно прогнозировать, включая развитие пандемии, интенсивность и эффективность мер ее сдерживания [2].

Фактическая ситуация и текущие тенденции на основных мировых рынках менялись в разной динамике.

Китай первым вошел в эпидемию и первым вышел из нее, а централизация управления позволила ему развернуть масштабные мероприятия по прекращению негативных последствий и восстановлению производства [1].

Но в то же время оба ее ключевых рынка – Европа и США - все еще находятся под карантином. Восстановление нормальной экономической активности в стране остается под вопросом.

Точных данных итоговых утрат китайской экономики от коронавируса нет, по предварительным отчетам КНР, в первом квартале текущего года недосчиталась не менее 1 трлн юаней (143,1 млрд дол.) или примерно 1% ВВП в годовом исчислении [4].

Во втором квартале так же можно наблюдать негативные последствия. Зачастую к этому времени Китай приобретал до 500 млрд долларов прибыли от туризма и близкую к тому цифру от продаж потребительских товаров в период мировых праздников [4].

Но в этом году все они не состоялись. А так как показы предваряли заключение контрактов на поставки товаров на весь летне-осенний период, то их отсутствие обозначает пока мало прогнозируемый спад объема заказов на продукцию китайских заводов на предстоящие 5 – 6 месяцев.

Сложность прогнозирования характера и глубины взаимного влияния факторов уже привела китайское руководство к официальному отказу целевого планирования показателей финансового роста государства на 2020 год. Если брать во внимание то, что Китай потребляет до половины всех базовых ресурсов, отсутствие его прогнозных показателей затрудняет перспективный анализ ближайших тенденций в мировой экономике в целом.

В том числе для других стран Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, государства которых находятся в аналогичном положении. Например, из-за неимения туристов в начале января – марте 2020 Япония лишилась 1,29 млрд долларов. По мнению исследовательского института Номура, исключительно одно это обернется снижением годового японского ВВП на 0,14%, а с учетом прочих отраслей сокращение может составить 1,2% [5].

Ввиду отсутствия серьезного промышленного производства в Африке и на Ближнем Востоке на ситуацию и перспективы этого региона в основном влияет снижение спроса на энергоресурсы, которые являются основным финансовым благополучием расположенных там государств.

Первую ситуацию определяет экономика Саудовской Аравии, которая находится в сложном положении из-за обвала цен на нефть и стратегической ошибки, пытаясь начать финансовую сделку с Россией в рамках соглашения ОПЕК+.

В сложившихся условиях Эр-Рияд оказался в прямом противостоянии со сланцевой добычей в США, конкуренция с которой привела стороны к затяжному и мало перспективному клинчу.

Вашингтону с помощью политических мер и экономических санкций удалось остановить попытку саудитов увеличить долю мирового рынка за счет ценового демпинга. Кроме того, королевство было сильно ограничено в ценовом маневрировании из-за отсутствия других источников компенсации расходов своего государственного бюджета.

Падение доходов заставило КСА пересмотреть бюджет, урезать не только социальные программы, но и инвестиционную программу корпорации Aramco. Это значительно ускорит темпы снижения добычи нефти и газа в КСА в ближайшее время.

Состояние Европы в настоящее время остается самым неясным из всех. Текущие события показали, что восприятие ЕС как достаточно эффективного централизованного политического и финансового пространства было сильно завышено. Столкнувшись с кризисом, ЕС сразу распался на первоначальные государства, борясь с ним только в масштабах собственных границ.

Фрагментарные действия и непоследовательные меры, скорее всего, приведут к общей потере 5% для всей европейской экономики в конце года. Вероятно, даже больше, поскольку вышеприведенный прогноз не предусматривает последствий объявленных Еврокомиссией антикризисных мер, которые предусматривают увеличение общей долговой нагрузки ЕС более чем на 3 трлн евро или почти на 3,1% ВВП Евросоюза.

Вопреки прежним представлениям о непобедимости американской экономики, именно она сегодня демонстрирует тенденцию к наибольшему масштабу экономических потерь. Оценки которых варьируются от 6% (Казначейство США, $ 1,29 трлн) до 18,6% в лучшем случае и 55,8% в худшем (крупнейший хедж-фонд Америки, Bridgewater), от $ 4 до $ 12 трлн. [2].

Наибольшие потери, по мнению экспертов фонда, понесут энергетика, автотранспорт и индустрия развлечений. Капитальные вложения, по их

оценкам, сократятся на $ 900 млрд, расходы на выкуп акций, слияния и поглощения на $ 600 млрд, кроме того, ожидается "очень значительное сокращение численности персонала" компаний.

Отдельной строкой стоит банкротство американской сланцевой промышленности, капитализация которой превысила 2,2 трлн долларов.

На российскую экономику пандемия ударила относительно слабее чем в Европе, Америке или Китае, - фактические потери по итогам 2020 года ожидаются в пределах от 0,8 до 2% ВВП, - сформировавшиеся тенденции не обошли РФ как крупную экспортную экономику мира. Прежде всего, в секторах торговли энергоносителями, некоторыми видами иного сырья.

Все существовавшие до сентября 2019 года прогнозы формирования рынков утратили свою актуальность. Например, вместо уверенного наращивания объемов экспорта природного газа в Европу (200 млрд кубометров в 2017, 225 млрд кубометров в 2018) с перспективой выхода на отметку в 280 – 300 млрд кубов к 2025 – 2027 годах, по конечным итогам 2019 получилось добиться лишь 219 млрд м3, а в 2020 предполагается снижение до 193 млрд кубов. Падение объемов в сочетании со снижением экспортных цен грозит утратой около 25% экспортной газовой выручки.

Схожая проблема стоит по нефти, углю, и практически всем видам базового сырья. четкая картина его отгрузок на момент проведения еще отсутствует, однако уже очевидно, что Евросоюз, на который приходилось 70% российского экспорта, к докризисным цифрам спроса в ближайшей перспективе не вернется. Более-менее внятное восстановление можно ожидать не раньше начала 2022 года. Да и то, результат будет зависеть от ряда начатых кризисом политических тенденций.

Последнее особенно наглядно выражается в связи с обострением противостояния США с Китаем. Проигрывая ему в торговой борьбе власть США пытается реализовать на практике все оставшиеся рычаги воздействия на остальной мир, в первую очередь на Европу, для организации торговой изоляции КНР, экономика которой, действительно, похожа на российскую [1].

В том смысле, что доля внешнеторгового оборота в ВВП Китая составляет 26,4%, аналогичный рейтинг у РФ – 43%. Вследствие чего сложности со сбытом промышленных товаров на экспорт неминуемо ведут к сокращению объемов внутреннего промпроизводства КНР, а значит оборачиваются снижением ее спроса на сырье и энергоносители [5].

Являясь крупнейшим потребителем ресурсов, Китай самым непосредственным образом воздействует на баланс их спроса и предложения на международном рынке, что непосредственным образом сказывается на текущих ценах и перспективах их изменения в будущем.

Падение цен приводит не только к снижению доходов российской экономики, но и порождает три группы фундаментальных стратегических проблем.

Во-первых, усиливается борьба за рынки сбыта, нарушается устоявшийся механизм ценообразования, что крайне затрудняет стратегическое планирование. В частности, исключительно из-за падения цен на газ срок окупаемости газопровода "Северный поток-2" сдвигается как минимум на 5-7 лет, тем самым лишая "Газпром" возможностей финансирования новых крупных инфраструктурных проектов. Это также заставляет нас основательно переработать бюджетные планы Российской Федерации [6].

В том числе в стратегически важных для будущего финансового и социального развития государства – базовых госпрограммах. Денег на их финансирование в ранее запланированных объемах нет и в предстоящие 2 года вероятнее всего не будет.

Во-вторых, пандемия поставила под сомнение возможности дальнейшего продолжения европейского интеграционного проекта. Что, в свою очередь, усилило там трения, как на уровне между входящими в ЕС странами и центров в Брюсселе, так и между основными группировками правящей элиты внутри самих национальных государств. Это вылилось в утрату предсказуемости даже среднесрочного европейского экономической и, главное, политической линии.

Например, с одной стороны, Еврокомиссия выступает за блокирование газопровода СП-2 твердыми рамками Третьего энергопакета, а Германия

настаивает на его реализации за рамками Европейской энергетической хартии. Но в то же время, власть ФРГ демонстрирует нерешительность в принятии своих законов, выводящих СП-2 из-под ТЭП, а германский газовый регулятор подтверждает распространение норм ТЭП на СП-2. В конечном итоге усложняется оценка целесообразности последующих действий по проекту.

И не только по нему. Из примерно 600 млрд долларов внешнеторгового оборота РФ более 420 млрд приходится на Евросоюз. Усиление там внутренних политических трений вырабатывает угрозу стабильности торговых отношений, следовательно, и экономическим перспективам России в целом.

Теоретически переориентация внешнеторговых операций с запада на восток, на Китай, выглядит в этих условиях логичным стратегическим решением. Но такой шаг не может быть осуществлен быстро, требует внушительных долгосрочных инвестиций в инфраструктуру, реструктуризацию экономических цепочек, а также несет в себе ряд важных рисков.

Торгуя с Европой, Россия взаимодействовала с довольно рыхлым союзом из 28 стран, только пять из которых были крупнее российской экономики, да и то не фатально. Например, ВВП Германии превышает Россию всего в 2,4 раза, Франции – в 1,68 раза, Италии – в 1,25 раза [7].

Это позволяло разговаривать с ними в известной степени на равных, в том числе используя имеющиеся между ними собственные трения. В то время как ВВП КНР превосходит российский в 10 раз, что определяет заметно другой баланс отношений, не во всем удобный и выгодный Москве.

В-третьих, возбужденные эпидемией экономические трудности у постсоветских стран обострили проблемы отечественного интеграционного проекта. Как большого – ЕАЭС и ОДКБ, - так и малого – с Союзным государством. Причем именно Минск своими метаниями в поисках финансового спасения сегодня доставляет больше всего проблем.

Формат СГ долгое время понимался в качестве эталонной научно-технической схемы собирания прежних советских земель назад в одно общее централизованное мощное государство. сегодняшняя позиция Минска

подчеркивает интерес лимитрофов к России исключительно в качестве великодушного источника безвозмездных бонусов и преференций, что российским интересам принципиально не соответствует [3].

Не исключено, что за базовым сценарием 2020 года последует новая волна вируса в 2021 году. Тогда вместо восстановительного роста следует ожидать снижения ВВП второй год подряд еще на 2,2%. Наихудший сценарий развития событий-продолжение эпидемии в течение всего текущего года и новая вспышка в следующем году приведут к снижению мирового ВВП на 2020-2021 годы на 8% [8]. Во всех этих сценариях темпы восстановительного роста будут такими же, как и в базовом сценарии, и страны понесут еще больший ущерб. Экономические условия не смягчатся при таком развитии событий, а закрытие фирм и длительная безработица оставят много шрамов на экономике. Согласно опубликованному прогнозу, рейтинговое агентство Fitch ожидает, что к концу 2020 года мировая экономика упадет на 3,9% больше, чем в базовом сценарии МВФ.

При всем при этом утраты отдельных государств и регионов оцениваются иначе, нежели в аналогичном прогнозе МВФ (см. В частности, предполагается, что ВВП стран с развитой экономикой сократится чуть в меньшей степени (государств еврозоны – на 7%, США – на 5,6%, а Соединенного Королевства – на 6,3%). В то же время, по оценкам агентства, экономический прогресс в Китае и Индии не превысит 1% [9]. На период кризиса и, вероятно, на более длительный промежуток существенно изменится экономический ландшафт, прежде всего за счет усиления роли государства в экономике. Правительства и центральные банки уже стали поактивнее вклиниваться в экономику, и эта тенденция в ближайшее время сохранится. В условиях локдауна государственные органы вынуждены подумать о том, чтобы люди могли удовлетворить свои существенные потребности, а предприятия сумели бы восстановить работу по окончании острой фазы кризиса. Для решения задач по сохранению финансовых связей между сотрудниками и компаниями,

кредиторами и заемщиками большинство государств принимает специальные налогово – бюджетные, денежно– кредитные и финансовые меры.

Государства с развитой экономикой, имеющие большой потенциал в области управления, развитую систему здравоохранения и вероятность эмиссии резервных валют, объективно находятся в более выгодном положении в плане выхода из кризиса. В то же время ряду государств с формирующимся рынком и развивающимся странам, которые не имеют аналогичных активов и сталкиваются одновременно с кризисами в области здравоохранения, экономики и финансов, понадобится опора – как со стороны двусторонних кредиторов, так и международных экономических организаций. На экстренном саммите G–20 при участии РФ было заявлено, что страны–члены будут энергично и радикально взаимодействовать с ключевыми международными организациями, в частности с ВОЗ, МВФ и Группой Всемирного банка, а также с многосторонними и региональными банками развития для развертывания эффективного, взаимосвязанного, согласованного и оперативного комплекса экономических мер. Объявленная стоимость пакета мер по стимулированию всемирной экономики составляет больше 5 трлн долл. США [4].

Очевидно, что наивысший негативный эффект на потоки инвестиций оказывает сокращение потребления. При всем при этом в большей степени страдают экономики и отрасли, имеющие мощную зависимость от поставок в масштабах вселенских цепочек стоимости.

Можно сказать, что эпидемия коронавируса ускоряет наметившиеся ранее тенденции по смягчению мировых цепочек цен, сокращению числа их звеньев и локализации производства особо важных товаров. Это также может спровоцировать очередной виток геополитического соперничества и протекционизма, а также усиление государственного контроля над значительными сделками. Так, регулирующие органы США и Евросоюза затягивают выдачу разрешений на ранее запланированные крупные слияния и поглощения (в частности, Amazon и Deliveroo, Boeing и Embraer) [6].

Результаты проведенных исследований по воздействию пандемии COVID-19 на всемирную экономику позволяет выработать следующие выводы.

COVID-19, распространившийся более чем в 200 странах, обладает огромными последствиями для экономики как отдельных стран, так и всего мира. Меры общегосударственной политики, принимаемые в отдельных странах, с целью сглаживания финансовых потерь пандемии могут обладать внушительными негативными последствиями в долгосрочной перспективе.

Вспышка COVID-19 создала дисбаланс в мировой экономике из-за нарушения цепочки поставок в результате закрытия производства в Китае. Вирус разнесся по всему миру, и в США закреплено самое большое количество случаев заболевания и смертей. Пандемия побудила основательный обвал цен на нефть, самый крупный со времен войны в Персидском заливе в 1991 году. А это поставило под угрозу экономику нефтезависимых стран.

Внедренные странами карантинные меры, предпринимаемые для сглаживания распространения пандемии, такие как карантин, режим самоизоляции, ограничения международных и локальных поездок и торговли и т.д., продолжают отрицательным образом сказываться на финансовой ситуации в мире.

Воздействие COVID-19 на экономику, вероятно, будет меньше, нежели влияние жестких политических мер, принятых для предотвращения распространения вируса. В результате пандемии мировые фондовые рынки зафиксировали свое величайшее и резкое падение со времен массового мирового кризиса 2008 года.

На политическом уровне понадобятся скоординированные действия всех государств по реализации медицинского протокола сокращения распространения пандемии, а также фискальные меры, направленные на поддержку производственного сектора, чтобы приблизить восстановление экономики. Это потребует принятие дополнительных мер для поддержки потребителей, восстановления покупательной способности и поддержки бизнесу. В качестве таких мер могут выступить снижение учетной ставки центральными банками (принимая во внимание опыт США) с целью

расширения доступа к кредитным ресурсам и стимулирования инвестиционной активности. Еще одной мерой может выступить сокращение налоговой нагрузки на бизнес и население. Впрочем, пойдут ли правительства на эти меры, покажет только время.

Литература

1. Аблаев Р.Р. Тенденции развития мировой экономики в условиях социальных ограничений, связанных с пандемией COVID-19 / Р.Р. Аблаев, В.П. Шемякина, А.В. Курило // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 119.
2. Аблаев Р.Р. Последствия для мировой экономики социальных ограничений, связанных с пандемией / Р.Р. Аблаев, В.С. Макарова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 4-1 (74). – С. 10-12.
3. Дробот Е.В. Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда США // Экономика труда. – 2020. – Том 7. – № 7. – С. 577-588. – doi: 10.18334/et.7.7.110715.
4. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Назаренко В.С., Манасян С.М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Том 10. – № 8. – С. 2135-2150. – doi: 10.18334/epp.10.8.110790.
5. Ерохина Е.В., Джергения Ю.Б. Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии // Экономическая безопасность. – 2020. – Том 3. – № 3. – С. 259-272. – doi: 10.18334/ecsec.3.3.110681.
6. Кулькова И.А. Адаптация поведения предпринимателей к вызванным пандемией коронавируса изменениям // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Том 10. – № 10. – С. 2529-2540. – doi: 10.18334/epp.10.10.111051.
7. Осама Али Маер, Мун Д.В., Фатма Джиха Ответные меры на пандемию COVID-19: экономика и здравоохранение экономически развитых и развивающихся стран // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4. – doi: 10.18334/eo.10.4.111083.

8. Печаткин В.В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Том 10. – №2. – С. 837-848. – doi: 10.18334/vinec.10.2.110187.
9. Торкановский Е.П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 663-682. – doi: 10.18334/eo.10.3.110600
10. World Economic Outlook: The Great Lockdown. International Monetary Fund,april 2020. ww.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo–april–2020.

Literature

1. Ablaev R.R. Tendencii razvitiya mirovoj ekonomiki v usloviyah social'nyh ogranichenij, svyazannyh s pandemiej COVID-19 / R.R. Ablaev, V.P. SHemyakina, A.V. Kurilo // StudNet. – 2021. – T. 4. – № 1. – S. 119.
2. Ablaev R.R. Posledstviya dlya mirovoj ekonomiki social'nyh ogranichenij, svyazannyh s pandemiej / R.R. Ablaev, V.S. Makarova // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2021. – № 4-1 (74). – S. 10-12.
3. Drobot E.V. Vliyanie pandemii COVID-19 na rynok truda SSHA // Ekonomika truda. – 2020. – Tom 7. – № 7. – S. 577-588. – doi: 10.18334/et.7.7.110715.
4. Drobot E.V., Makarov I.N., Nazarenko V.S., Manasyan S.M. Vliyanie pandemii COVID-19 na real'nyj sektor ekonomiki // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. – 2020. – Tom 10. – № 8. – S. 2135-2150. – doi: 10.18334/epp.10.8.110790.
5. Erohina E.V., Dzhergeniya YU.B. Ugrozy realizacii nacional'nyh interesov Rossijskoj Federacii v period posle pandemii // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2020. – Tom 3. – № 3. – S. 259-272. – doi: 10.18334/ecsec.3.3.110681.
6. Kul'kova I.A. Adaptaciya povedeniya predprinimatelej k vyzvannym pandemiej koronavirusa izmeneniyam // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. – 2020. – Tom 10. – № 10. – S. 2529-2540. – doi: 10.18334/epp.10.10.111051.

7. Osama Ali Maer, Mun D.V., Fatma Dzhiha Otvetnye mery na pandemiyu COVID-19: ekonomika i zdravoohranenie ekonomicheski razvityh i razvivayushchihsya stran // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2020. – Tom 10. – № 4. – doi: 10.18334/eo.10.4.111083.
8. Pechatkin V.V. Formirovanie i razvitie cifrovoj ekonomiki v Rossii kak strategicheskij prioritet razvitiya territorij v usloviyah pandemij // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. – 2020. – Tom 10. – № 2. – S. 837-848. – doi: 10.18334/vinec.10.2.110187.
9. Torkanovskij E.P. Avtarkiya 2.0: global'naya ekologicheskaya povestka, pandemiya COVID-19 i novaya normal'nost' // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2020. – Tom 10. – № 3. – S. 663-682. – doi: 10.18334/eo.10.3.110600
10. World Economic Outlook: The Great Lockdown. International Monetary Fund,april 2020. ww.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo–april–2020.